

даеть ихъ. Тамъ не религіозное сознание развивается въ зависимости отъ догматическаго ученія, а совершенно наоборотъ: догматическое ученіе становится въ зависимость отъ религіознаго сознанія и вмѣстѣ съ нимъ постоянно измѣняется, а вслѣдствіе этого оно никогда не можетъ заключать въ себѣ твердыхъ и непреложныхъ истинъ, такъ какъ содержаніе его, завися отъ направленія развитія еретиковъ, всегда будетъ имѣть временный или случайный и разнообразный характеръ и его движеніе будетъ не прямое, а круговращательное.—Истинное христіанство, по словамъ Толстого ¹⁾, состоитъ лишь въ безпрестанномъ движеніи впередъ, а не въ неподвижности церкви. Но къ чему стремится самъ Толстой? Онъ, повидимому, стремится не впередъ, а назадъ, — къ возстановленію того истиннаго христіанства, которое явилось въ міръ 1800 лѣтъ тому назадъ, къ тѣмъ истинамъ, которыя, по его словамъ, были „приписаны человѣку Христу“. Не вступаетъ ли чрезъ это самое Толстой въ противорѣчіе съ самимъ собою? Если истина въ ересяхъ, — зачѣмъ ему возвращаться такъ далеко, а отчего не обратиться къ ересямъ, нынѣ во множествѣ распространеннымъ и постоянно умножающимся?

Движенію церковной жизни, по мнѣнію Толстого, предѣлъ положенъ Никейскимъ символомъ вѣры. Но какъ же объяснить то, что движеніе въ церкви, какъ признаеть Толстой, было во 2-мъ и 3-мъ вѣкѣ, когда также существовали разные символы — помѣстныхъ церквей и отдѣльныхъ отцевъ церкви и даже символъ апостольскій. На этотъ вопросъ у Толстого нѣтъ никакого отвѣта...

Толстой такъ враждебно относится къ Никейскому символу вѣры, что даже выставляетъ ²⁾ слѣдующее категорическое положеніе: „Нагорная проповѣдь или символъ вѣры. Нельзя вѣрить и тому и другому“. Но что такое символъ вѣры? По Толстому, Никейскій символъ вѣры есть не что иное, какъ „резюме споровъ, происходившихъ на соборѣ“ ³⁾. Но это опредѣленіе совершенно невѣрно. Символь вѣры есть краткое, но точное

¹⁾ Ч. I. стр. 75 и дал.

²⁾ Ч. I. стр. 108.

³⁾ Ч. I. стр. 81.